

РОМАН СМИРНОВ

КАЧЕЛИ ВМЕСТО КАРУСЕЛИ

***

Нездешним эхом жизнь встревожена
и тронута, как за плечо,
но как была она проходящая,
так и осталась ни при чём.

Что ей извне прикосновение?
Она лишь форма, аватар.
Затем и ловится сна веянье
в расставленные невода,

чтобы оно тебе напомнило,
зачем страдаем и живём,
а после полностью наполнило
ему назначенный объём.

***

второй апрель похищен
для тех, кто любит счёт,
а девочка всё ищет,
а мальчик всё идёт.

в умах палата пицци.
свобода зуб неймёт.
а девочка всё ищет,
а мальчик всё идёт.

весна пробила днище,
не выдержав литот,
а девочка не ищет,
а мальчик не придёт.

***

Куда бы тебя ни закинуло,
и где бы ни вывело из,
отеческой капляешь глиною,
и слушаешь лёгочный свист,
и дышишь новинкой-свободой,
до этого спятивший от
того, как любовью народною
забили и уши и рот,

но вместе с бедой или около
ходило и ходит в любой
сезон это небо и облако,
вернее, твоё над тобой.

***

Полгода-полгода, как символ,
который к одежде пришит.
На карте сгорает спасибо.
Наверное, надо спешить.

С долгами, делами, словами,
и с теми, кого так давно
в макушку мы не целовали,
не брали на мульты в кино,

и к тем, кто как будто не помнит,
но ждёт дни за днями звонка,
в простой геометрии комнат,
подобием маятника,

и к тем, кто нас ниже и выше,
кто свечкам стихать не даёт...
Я тоже на улицу вышел.
Там снег будьздоровый идёт.

***

когда захочется домой
я стану проще
как между датами прямой
короткий прочерк
как незакрытое окно
в начале ночи
как непрощённое одно
простивший отче
как боли хочется найти
другую вместо
я буду по полю идти
в святое место
и где-то в дальнем уголке
сердечной суммы
родство признаю в уголке
сгоревшим всеу.

***

Нет, ничего: слегка простыл,
снега идут, дела не тянут
суставы, сердце и бразды,
а ум не вытек от питья, но
что толку с этого ума
и рук, привязанных к движенью.
Зима над городом, тюрьма
за городом, и тир с мишенью.

Не говори, мол, всё тщета,
пройдёт, забудется, во благо.
Нет ничего. Одна черта,
и замерзающая влага.

***

Даже если даровано сверх,
по незримым спускается хордам,
это время касается всех,
мимоходом.
Забирается в быт бытия,
искажает лицо и повадки,
Это я, говорит, это я,
наклонилось над детской кроваткой,
и пою на своём языке,
и жалею, другого не зная,
спи спокойно, Иезекииль,
а пока что побуду без сна я.

***

Лене Скачко

Вчера был страшный ливень. Началось
с поскрипыванья высохших деревьев.
Раскачиваньем справа и налево
продолжилось. Стемнело. Полнлось.

Бадьи, кастрюли, впадины... Вода
мгновенно всё заполнила до верха,
и переливом, словно чья-то веха,
ушла в земные подвиги труда.

О том, что это было в день Ильин
подумалось сегодня ближе к полдню,
что душу с самых утренников полнит,
необъяснимый чем очищен сплин.

Назавтра обещали облака,
где одному другого быть белее,
чтоб проплывать над нами еле-еле,
и радоваться, что издалека.

***

Нудить ещё раз не слабо
абракадабру октября.
Любовь рифмуется с Ли Бо;
вокруг полно того добра.

А если вышел до шести
с конторы в эту красоту,
домой не хочется идти.
Я тоже быстро не пойду.

Листочек жёлтый как банан,
летает ближе к пустоте.
Я вспомню песенку-банал,
и клип великий ДДТ.

Рвануть бы с места, как дурак...
Зажмуриться. Считать до ста.
Нет зависти, Джек Керуак –
тоска...

***

Прощай, дворовый постмодерн,
дельфины, вкопанные в землю,
ракеты в рост, привет, Жюль Верн,
качели вместо карусели,

белья сушила и турник,
песочница, береза, лавка,
изрезанная, как дневник –
Петро, Наташка, Тёмыч, Славка...

Я вспоминаю утром звук
молочника с его товаром,
где шёл с бидоном чей-то внук,
а следом кандидат наук,
и дядя Вася с перегаром...

Я вспоминаю этажи
опасного подъезда рядом:
там собирались типажи,
там участковый на девятом.

Я много помню, но прошу
понять, как прошлые обиды.
Прощай, прости, что я пишу
сорокалетний и небритый.

***

Когда меня не будет, ты придёшь
туда, где я когда-то был с тобою.
Там старый стол и стул, окно, и дождь
за тем окном, там звёзды на обоях.

Когда меня не станет, стает снег –
последние подарок и услуга,
а всё что ты почувствуешь во сне,
окажется тяжёлой правдой в руку.

Однажды время вылечит само.
Вернёшься ты в наш домик в междуречье.
Откроешь дверь, и выпадет письмо,
и я уйду – теперь уже навечно.